

пусты магазины и сажали в тюрьму за убеждения. Просто они вспоминают, что тогда было покойнее. За них думали другие, не нужно было проявлять инициативу и от тебя лично мало что зависело. Ну вот, представьте, раньше мы жили на той стороне улицы, а сейчас должны перейти на другую. Но пока мы застряли в тёмном подземном переходе, где обманывают друг друга, крадут и убивают. Кто-то уже успел перейти, но мы ещё не знаем, что они там нашли, на другой стороне. Отсюда депрессия и все эти мысли: зачем мы пошли оттуда сюда и кому всё это нужно.

– Когда-то в давние времена у нас в ходу было понятие "театр-дом", а сейчас режиссёры вообще не стремятся руководить театрами, их больше привлекает – поставить и уйти, не пустив корни. Появились антрепризы, приглашают на спектакли актёров из других театров, словом, профессия руководителя исчезает на глазах. Вы ведь тоже довольно долго отсутствовали в своём театре – ставите в других странах, часто по полгода дома не бываете.

– Честно говоря, я ставлю за границей не потому, что хочу себе имя создать или расширить кругозор, а потому, что не смогу иначе содержать свою большую семью. А если говорить об идеале, то я считаю, что театр обязательно должен быть домом. Да, сейчас наступило время разбрасывать камни. 70 лет театры существовали только так, а теперь нас освободили и дали возможность попробовать что-то другое. Наверное, должно существовать и то, и то. Не надо ограничивать театры одной какой-то моделью существования. Нужен, мол, только театр-дом, где один хозяин и все вокруг него танцуют. Мне кажется, что, когда молодые определяются (сейчас у них такой период, когда они определяются как личности), им самим понадобится какая-то группа единомышленников, с которыми они смогут создать лет на 15–20 свой театр, свой дом.

– Интересно, изменились ли пристрастия грузинской публики? Когда вы работаете, вы учитываете её ожидания?

– Всё-таки есть большая разница между положением театра в Грузии и в России. Возможности российского театра намного шире. Поставить такой мюзикл, как "Норд-Ост", мы не сможем. Или эстрадное шоу какое-то. У нас, например, только сейчас начала расцветать так называемая "попса", в отличие от России, где она достигла своей кульминации и сейчас я чувствую какой-то спад в отношении к ней зрителей. Наш театр им. Руставели в принципе не очень стремится угодить сиюминутным потребностям публики. Я знаю, что есть зритель, который ходил и будет ходить к нам, и я не стану специально обнажать

Сцена из спектакля «Кавказский меловой круг».

женщин или демонстрировать на сцене какую-то эротику, чтобы его привлечь. Тем более что этим уже никого не привлечёшь. Вот сейчас у нас в одном театре поставили спектакль, который так и называется "Провокация", там зрителей укрывают целлофаном, потому что со сцены их могут чем-то запачкать. Там грубо ругаются, голых женщин показывают. Но я этим не буду заниматься. Пока, по крайней мере. Может быть, когда-то я соберу зрителей в зале и скажу им: вот вы сидите здесь, смотрите спектакль, а мир в это время ломается. Но всё равно это будет в контексте пьесы.

– Кстати, о пьесах. Вы так интересно их читаете. Не скажете ли, как из пустяковой пьесы Гольдони "Синьор Тодеро брюзга" можно вычитать то, что вы недавно так удивительно поставили у нас в "Сатириконе"?

– Ну, допустим, этого "Тодеро" никто не читал, но я всегда говорю своим актёрам: когда придут зрители, они должны думать, что именно так у драматурга и написано. Я стараюсь не изменять стилистику драматурга, но после опытов Джорджо Стрелера, после "Венецианских близнецов", которых Лука Ронкони

привозил в прошлом году в Москву на Олимпиаду, взгляд на Гольдони должен был измениться. Это не просто шутки-прибаутки, которые никогда меня не смешат, и я сижу и не понимаю, что мне театр хочет всем этим сказать. Благодаря моему учителю Михаилу Туманишвили я научился хорошо обходиться с драматургией – не изменив авторским принципам, делать свою версию. Как это происходит, я объяснить не могу. Может быть, когда-нибудь я попробую, а пока мне ещё совестно об этом говорить.

– Известный чеховский персонаж по фамилии Треплев говорил: нужны новые формы. И многие наши режиссёры вслед за ним вновь и вновь повторяют то же самое. В сущности, это понятно. Ведь если ты много лет делаешь одно и то же, надоедает в конце концов. А у вас не было ли желания что-то в себе изменить, изменить манеру, сменить художника, композитора, с которыми вы столько лет работаете вместе?

– Когда я ставлю спектакли, именно в тот момент у меня тоже есть ощущение, что я повторяюсь. Но когда я смотрю на список моих работ – для се-

бя смотрю, не для других, – то вижу, что они очень разные. Почерк, наверное, один и тот же, но всё же они разные. Когда-то давно я поставил просто гиперреалистический спектакль по пьесе В. Розова "Перед ужином". Поверьте, это был один из лучших реалистических спектаклей. Потом мне показалось это скучным, и я поставил "Сейлемские ведьмы" А. Миллера, потом – мюзикл "Ханума", ну и так далее. Это совершенно разные миры – так мне кажется. Или вот "Тамлет". Вам, может быть, покажется, что это не самая удачная моя постановка, но вы поймете, что это совершенно другие измерения. Мне, как сыну моих родителей, просто скучно, как вы точно сказали, повторять одно и то же. По натуре мне всё время хочется нового, другое дело, что мои возможности могут не совпадать с моими желаниями.

– Мне кажется или вы действительно никогда не ставили русскую классику?

– Нет, я ставил (и, по-моему, это был удачный спектакль) в Германии "Бешеные деньги" Островского. Островские пришли в ужас. Это, конечно, не было "Лесом" Мейерхольда, но какой-то "рощей" для них всё же было.

– И что – островсковеды вас так напугали, что вы не решились продолжать?

– Почему? Я поставил двух Чеховых, правда, в Лондоне. "Три сестры" и "Чайку". И всё же я остался неудовлетворённым и хочу теперь в грузинском театре поставить "Вишнёвый сад".

– А в Москве не хотите поставить Чехова?

– Я когда-то хотел поставить "Вишнёвый сад" в Театре им. Вахтангова с Ириной Купченко, но в это время все театры вдруг поставили эту пьесу. Но, может, ещё поставлю.

– А что вообще такое для вас театр? Кто-то считает его кафедрой (прямо по Гоголю), кто-то называет храмом, а кто-то – развлечением.

– Для меня и то, и то, и то. В последнее время чуть-чуть (очень чуть-чуть) склоняюсь в сторону религии. Не очень нажимаю на это понятие, не люблю, когда указывают и проповедуют: мол, театр – религия, он должен исправлять нравы и тому подобное. Для меня лично это место, куда я прихожу и где смотрю на жизнь, изображённую совершенно нежизненными средствами. А в последнее время мне нравится, когда я прихожу в театр, а мне говорят: радуйся. Жизнь ужасна, но будь счастлив. Так это было всегда, так и будет.

– Выходит, вы – оптимист?

– В общем-то оптимист. Поверьте, совсем не стоит убиваться из-за того, что жизнь иногда делает неприятные виражи.

Фото А. Иванишина